

Наследный принц, опьянённый и набравшись храбрости, тихо умолял:

— Не сердись больше...

Прочтя это письмо, ты узнаешь мои мысли:

Я долго думал, как это сказать.

Несколько лет назад я был дерзким, самонадеянным и никого не ставил в грош. Отец и мать неоднократно упрекали меня, требуя сдержанности, а советники и цензоры не раз подавали доклады, но я, пользуясь своим положением единственного сына, действовал по своему усмотрению.

Хотя прошло много времени, я до сих пор хорошо помню тот день, каждое твоё движение и даже каждое выражение лица, я перебирал их в голове снова и снова.

В тот день ты пришёл ко мне умоляя спасти твоего отца.

Тогда при дворе шла большая чистка, и хотя твой отец был невиновен, я не хотел вмешиваться в дела канцлера. Ты, растерянный и беспомощный, один стоял на коленях передо мной, опустив голову, словно котёнок, оставшийся без защиты.

Мне захотелось погладить тебя, но также и подразнить, чтобы посмотреть, как котёнок замыкает от беспокойства.

Именно тогда я задумал зло.

Думаю, мне не следовало пользоваться твоей бедой, заставляя тебя снимать одежду и используя грязные методы, чтобы мучить твоё тело и унижать твоё достоинство...

Сейчас, говоря об этом, мне стыдно.

Это моя ошибка.

Я глубоко сожалею.

После этого я часто видел тебя и вспоминал, как ты стискивал зубы, не издавая ни звука. Ты казался мне интересным, и я хотел подружиться с тобой.

Но ты всячески избегал меня. Только тогда я осознал свою ошибку, она была действительно чудовищной.

Во-первых, я не должен был пользоваться твоей бедой, во-вторых, я не должен был причинять тебе вред, ни эмоциональный, ни физический.

Искренне признав свою вину, я хочу оправдаться.

Возьмём, к примеру, твоего ученика:

Я оставил его сейчас не для того, чтобы видеться с ним в будущем, и не из-за какой-то дурацкой привязанности, а потому что ты всегда один, у тебя мало друзей, и я подумал, что он может составить тебе компанию.

Если бы я думал наперёд и обдумывал последствия, я бы сразу же прикончил его.

Чуньцзин'эр.

Я знаю твой характер, если ты что-то затаишь, то никогда не отпустишь. Я думал, что у меня ещё есть время, я буду вести себя хорошо, и ты постепенно изменишь своё мнение и примешь меня.

Когда мы говорили об этом под дождём, я понял, что ты всё ещё помнишь, и не просто помнишь, но и держишь зло.

Тогда я действительно был безрассуден, но за эти годы, благодаря наставлениям советников и цензоров, я осознал свои ошибки и теперь исправился.

Ты мудр и проницателен, ты тоже должен видеть мой прогресс.

В последние дни я не мог ни есть, ни спать, я сходил с ума по тебе.

Если бы я мог вернуться в прошлое, я бы даже дал себе пощёчину.

Я бы сказал тогдашнему Ли Чэню: этого человека нужно беречь, не обижай его, в будущем его печали станут твоими печальями, его радости — твоими радостями.

И ещё одно важное объяснение: тогда я был дерзким и совершал много зла, но на самом деле я не такой человек, не пойми меня неправильно и не бойся.

И последнее, у меня нет никаких извращённых наклонностей.

...

Шэнь Хуань проснулся ото сна.

За окном луна была наполовину скрыта, одиноко вися на тёмной ветке.

Он вспомнил слова из письма, особенно те, где наследный принц писал о мучениях. Эти слова, казалось, ожили и кружились вокруг него.

Каждое слово словно обладало жизнью, летая и касаясь его тела, вызывая непереносимую дрожь.

Он пошевелился, не в силах больше лежать.

С трудом встал и отправился мыться.

На следующий день генерал позвал его к себе и деликатно спросил:

— Сын мой, есть ли у тебя девушка, которая тебе нравится?

Шэнь Хуань удивлённо ответил:

— А?

Генерал сделал вид, что кашляет:

— Если нет, то, может быть, среди служанок, которые тебя обслуживают, есть кто-то, кто тебе по душе? Можно начать с неё, а потом, когда женишься, взять её в наложницы.

Шэнь Хуань наконец понял, о чём он говорит.

Он покраснел и смущённо махнул рукой:

— Нет, не говори об этом.

— Что тут стесняться, — генерал отстранил его руку. — Каждый мужчина через это проходит.

Он с чувством произнёс:

— Мой сын вырос.

Шэнь Хуань вздохнул:

— Ты сам никогда не был женат, а уже меня торопишь.

Генерал закатал рукав, делая вид, что хочет ударить.

Шэнь Хуань сам подошёл ближе, взял его руку и хлопнул себя по груди:

— Даже если ударишь, не женюсь.

Генерал не нашёлся, что ответить, решив, что он просто не знает, что такое любовные утех.

Он подумал, что однажды отведёт его в столичный бордель, чтобы он попробовал.

Но Шэнь Хуань уже ушёл.

Его спина была прямой, и хотя он был худым, но не выглядел слабым.

Ветер развевал его рукава, и он напоминал расправившийся бамбук.

Генерал смотрел на него, чувствуя тоску, и глаза его наполнились слезами.

Вошёл управляющий и протянул ему платок.

Генерал взял его и прикрыл глаза.

Через мгновение он открыл половину лица и хрипло произнёс:

— Пойдём со мной во дворец.

Дворец был по-прежнему величествен.

Он не был так роскошен, как раньше, так как недавно прошли похороны.

Управляющий ждал у зала, а генерал вошёл в Зал усердного правления.

Император, услышав о его приходе, сразу же принял его, отложив в сторону доклад, который он редактировал.

Он вошёл, и император освободил его от поклона, приказал поставить стул рядом и отослал всех.

В просторном зале остались только они двое.

— Ты редко бываешь во дворце, последний раз был в прошлом году, когда шёл сильный снег, — император подсчитал дни. — Полгода прошло.

Генерал сидел на стуле, опустив руки, и почтительно произнёс:

— Я нездоров, и боялся, что Ваше Величество будет беспокоиться.

— Эх ты, — император покачал головой. — Ты боишься вызвать ревность наследного принца.

Генерал не стал спорить, лишь улыбнулся.

— Когда мы вместе завоёвывали страну, отбросили Кань Моланя на тысячи ли... — император задумчиво вспоминал прошлое, невольно ностальгируя. — Ветер на границе был сильным, но не колючим, не как во дворце, где даже снежинка вызывает дрожь.

Генерал с горечью произнёс:

— Ваше Величество и я, мы оба состарились.

Император вздрогнул.

Он действительно состарился, и все во дворце это видели, но никто не осмеливался сказать.

— Все вокруг только льстят мне, говоря о вечной жизни, но кто может жить вечно? — император усмехнулся, его седые усы шевельнулись. — Люди смертны, и только ты можешь говорить мне такие вещи.

— Я позволил себе лишнее, — генерал тоже улыбнулся. — Я всегда цепляюсь за нашу старую дружбу и бесконечно повторяю одно и то же, Хуань часто смеётся надо мной.

Они молча улыбались.

Император вдруг спросил:

— Цзюньхуань... как он?

Это имя было настолько чужим, что его никто не произносил уже много лет.

Но генерал сразу понял, о ком он спрашивает.

— Всё хорошо, всё хорошо.

Он прямо сказал:

— Недавно он почему-то решил бросить медицину, и как я ни уговаривал, он не слушает.

Император усмехнулся, его взгляд устремился вдаль:

— Обычно он спокоен, но когда дело доходит до чего-то важного, он становится упрямым, это от меня.

— Если не хочет учиться медицине, пусть делает, что хочет, — он снова спросил. — А что он хочет делать?

— Именно по этому поводу я и пришёл, — генерал стал серьёзным. — Я считаю, что смерть

наложницы-фаворитки Шу и её ребёнка, независимо от того, была ли это случайность или умысел, уже не изменить. Я... очень боюсь, хочу отправить Хуаня подальше, не знаю, согласитесь ли вы.

Он сначала рассказал о смерти наложницы Шу, чтобы подготовить почву для своего предложения, боясь, что император не согласится.

Они смотрели друг на друга, как два старых кота, прищурив глаза.

— Когда Ваше Величество соблазнило служанку, и она забеременела, но не осмелилась сказать, пока её живот не стал заметен, она пришла в Дворец изумрудной прохлады, умоляя императрицу взять её ребёнка...

Генерал вспомнил те события, и его глаза наполнились слезами.

Император задумчиво смотрел на пыль, танцующую в воздухе, и произнёс:

— Императрица сделала исключение, сразу же возвела её в ранг благородной дамы, сказав, что в императорском дворе мало наследников, и наградила её за беременность.

— Благородная дама стала мишенью для всех, каждый день жила в страхе, пила лекарства для сохранения беременности, но через две недели у неё появились странные симптомы, она стала сонливой, а Медицинская палата объяснила это обычными явлениями при беременности...

Генерал говорил медленно, с паузами:

— Императрица, сославшись на то, что она опозорила императорский двор, заключила её в Павильон вечной ночи, а через месяц в Медицинской палате раскрылся заговор, в лекарствах для сохранения беременности были обнаружены дурман, сяошаоцзы, корень кавы, порошок пейотля и другие вещества, вызывающие галлюцинации.

— Ты подозреваешь, что это дело рук императрицы? — спросил император.

— Я не смею подозревать, — генерал взволнованно произнёс. — Я просто очень боюсь!

На этом месте генерал слегка задрожал, его взгляд был твёрдым, но полным боли.

<http://bllate.org/book/17721/1656327>